

Константин Рыбинский

Для метро

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
Р93

Рыбинский К. В.

Для метро / Рыбинский К. В. — Москва: ЛитРес: Самиздат,
2021. — 179 с.

ISBN 978-5-532-94345-2

Прага, начало 21 века, случайная встреча в метро. В этом мире всё - метро. "Люди приходят-уходят, смазываясь в памяти, как узоры дьявольского калейдоскопа". Первая часть дилогии называется «Листопад». Как и во всём остальном, неспроста. Опадают листья, рушатся судьбы, опускаются руки. Но «Листопад» — это ещё и «ноябрь» по-украински. Последний месяц осени, за которой чистая зима. За «Листопадом» следует вторая часть: «Эпилог». Нет, упавшие листья на ветку не приклеишь. Новые отрастут.

ISBN 978-5-532-94345-2

© Рыбинский К. В., текст, 2016
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Часть 1. Листопад	5
Часть 2. Эпилог	107

Только люди, которые мне нравятся,
которых я люблю,
вот они – моя последняя родина.

Д. Фаулз. «Волхв»

Часть 1. Листопад

Метро. Стучат колёса, шипит воздух, люди уходят – приходят, не задерживаясь в памяти, как смазанные узоры дьявольского калейдоскопа. Ты читаешь. Я пишу. Я рядом, просто потому, что я всегда с тобой.

Ты всегда читаешь здесь. Каждый день ты равнодушным удавом заглатываешь несколько километров печатного текста. Шипит воздух. Объявляют станцию. Шипит воздух, изменяется гравитация, стучат колёса. Ты читаешь. Я пишу. Это – метро.

В этих подземельях, кем бы ты ни был, ты – жертва. Ещё до турникета мы уже решили, куда и как ты едешь. Так что сиди и читай.

Знаешь, что мы сейчас проезжаем? Туннель, опять туннель.... Сейчас, пока мы здесь, не важно, Москва это, Нью-Йорк или Париж.

Ты ведь всё о них знаешь. Там везде – метро, где ослепительное сияние станций лишь оттеняет безнадежную тьму перегонов, во время которых ты цепляешься за меня. А я не брошу тебя.

Я всегда буду с тобой.

Там, наверху, идёт дождь. Ты знаешь, как это бывает. Звук, запах. ...Даже цвет. Ты всё уже знаешь. Скучно рассказывать. Хотя....

У каждого за пазухой есть камень. Обычно, его приберегают для кого-то, а меня он тянет вниз. Может быть, вышвырнуть его было бы вернее всего, но жаль расставаться, всё время кажется, что именно этого-то во мне и будет не доставать.

У меня такой камень – Прага, и я его никому не отдам.

* * *

В Праге всегда идёшь или вверх, или вниз – удивительно холмистый город. Мы молча шли вниз по мощёной серым булыжником улице, где едва ли разъедутся два автомобиля, окажись они тут.

Мороженое ощущалось смесью советского пломбира, заграничной мечты, плюс терпкий запах опавших листьев, шум в голове от вчерашней водки, и всё наше безумие, сплетающее пальцы, и терзающее плоть. И дождь. Ноябрь в Праге – это почти всегда дождь.

– Ты первый мужчина в моей жизни, который ест мороженое под дождём.

Вечер, темно, горят жёлтыми кругами водяной пыли старинные фонари. Прохожих почти нет. Стук твоих каблуков. А я всегда хожу бесшумно.

– Один, – добавила.

Дождь моросил уже третий день – город стал серым, мокрым, но странно уютным. Скорее всего, потому что с тобой.

– Дай!

Ты стояла передо мной, протянув руку, глядя снизу вверх, как ребёнок, ищущий повод расплакаться. Чёрный короткий плащ намок и блестел, с капюшона частыми каплями стекала вода.

Я передал тебе золотистый вафельный рожок. Улыбнулся чеширской улыбкой. Ты бросила в ответ мрачный взгляд исподлобья, впилась в пломбир, но сразу отвернулась, прижала красную варежку к губам: у тебя заныли зубы – и виноват в этом, конечно же, я.

– Пойдём в кафе или в бар, перекусим и согреемся! – предложил я как можно мягче. Мне показалось, ты о чём-то не договариваешь, и это злит тебя.

Ты обернулась, посмотрела, наклонив голову, куда-то поверх меня, на фонарь, потом протянула мне руку:

– Пойдём.

Если ты рядом, я ничего не знаю о следующей секунде. С самого начала, которое недавно, свежо и ещё не запомнилось, потому что ему рано становиться памятью.

Мы спустились в небольшой погребок.

* * *

В метро гулял тёплый и сухой ветер. После долгой прогулки по центру, оставившей после себя холодную оторопь, это утешало.

Друзья, конечно, знали, что говорили – не стоило ехать в Прагу в ноябре. Сыро, холодно.... Но я не мог больше ждать. Сделав шаг, я наступал себе на пятку, сказанное слово предварялось его не отзвучавшим эхом, любовь стала тенью тени, отброшенной тенью.... Алкоголь помогал плохо – спасая от одного тоскливого вечера, он дарил взамен три безнадёжных дня, полных страха и слабости. Случайные женщины отталкивали пошлостью, а неслучайные не встречались. Тоска поднималась выше ватерлинии, я начинал захлёбываться.

В детстве я любил нырять в море, где солёная вода прозрачна до степени обмана, когда невозможно определить глубину и расстояние. Я подолгу плавал у скал, поросших лохмотьями бурозелёных водорослей, ожидая, что за очередным выступом меня подстерегает что-то огромное и хищное. Но солнечный свет под водой терял линейность, дробясь, искривляясь, и обещая, что ничего плохого со мной здесь случиться просто не может. Ведь всё прекрасно – и море, и я, прошлое так мало, а будущее оглушающе огромно, и там, за скалами на берегу родители, которые меня любят и ждут.

Я ничего не знал об этом мире тогда. Тем более, не знаю теперь. Кто руководит моими поступками, заставляя повернуть налево, когда я планировал направо? Кто отправляет целые народы в бездну войн? Почему человек живёт себе спокойно годами, а потом ни с того, ни с сего срывается с места и отбывает к новой жизни? Думаю, если кто скажет, что знает – обязательно соврёт. Но, чёрт возьми, должно быть что-то, что заставило меня нырнуть за камнем, что лежал подо мной на неизвестной глубине.

Рывок – стало холодно, совсем не по-летнему. Заложило уши. Ещё. Ещё холоднее. Терпимо. Ещё чуть-чуть.... Вот оно: оплывшие грани ласкают руку. Теперь назад.

Вокруг струится лёгкое, осязаемое кожей, сияние, за ним – пугающий голубой сумрак, выше – рукой подать – отбрасывающее вверх и вниз сотни ослепительных бликов мягко волнующееся текучее зеркало....

Добраться до него я никак не мог. Казалось, один лягушачий толчок должен выбросить меня на поверхность, но раз за разом я оставался под водой. Нужно вдохнуть.

Пусть здесь. Пусть так.

Значит, всё.

Всё!

Оторванным поплавком я выскочил на поверхность, и воздух оказался самым вкусным лакомством.

Теперь я был взрослым. Я снова тонул. Вот только не знал, куда плыть.

Кстати, тот камень со дна – он высох и оказался обычным булыжником. Досадно было бы подохнуть из-за него. А из-за чего нет? Пожалуй, теперь уже всё равно.

«Пршибсти станица – Староместска» – пропел женский голос, искалеченный динамиком.

Мне всегда неуютно находиться в замкнутом пространстве с незнакомыми людьми. Так и тянет с каждым поздороваться и тяпнуть стремennую! Проверенно – не работает, увы. В большинстве своём люди – такие же, как ты сам: совершенно не желают сокращать дистанцию. Да и слава Богу.

На Староместской зашла невысокая, стройная девушка, в синих джинсах, чёрном пальто. На шее болтался сбившийся вязаный шарф в цвет штанов. Пройдя по вагону, встала передо мной. Я покосился на свободное место рядом. Состав тронулся, она толкнула меня коленом, я поднял глаза.

– Привет!

– Привет.

– Я даже не удивлена, что ты русский. Турист?

– Нет. Я живу здесь. Теперь.

– Давно?

– С месяц.

– Значит, почти турист! – усмехнулась она.

– Ну, не скажи! Ты сама где была?! Карлов мост, Вышеград, Староместская???

– Не уверена.

Я чуть подвинулся:

– Присаживайся.

Она смотрела на меня сверху вниз из-под копны светло-русых волос, рассыпавшихся по лицу.

– Ты не маньяк?

– Не уверен.

– Тогда ладно, – она буквально обрушилась рядом.

Вагон чуть покачивался, напротив сидели гордые чешские старушки.

– Ты покажешь мне город, как знаешь его ты?

– Мы на «ты»?

– А разве нет? – ты искренне удивилась.

– Пожалуй, да.

– Что «да»?

Я рассмеялся:

– И покажу, и на «ты».

– Вот и хорошо. Ненавижу условности.

Расстояния между станциями в Праге небольшие. Очень скоро чарующий голос безвестной чешки объявил: «Укончите просим выступ а наступ, двержи се завирае. Пришшти станица – Музеум».

– Тогда рассиживаться нам особо некогда. Даже поговорить пока толком не успеем. Сейчас прыгаем на «линку с» и вперёд!

Вот и Музеум.

– Пошли, – я встал, подал тебе руку. Твоя ладонь оказалась прохладной и слегка влажной.

Мы перешли на Музеум ветки С и остановились на островке перрона. Оглядевшись, ты заметила:

– Отвратительная станция!

– Трудно поспорить, – нас окружал гранитный склеп.

– Плохо, когда архитектор не любит людей.

– А ты любишь? – слегка капризно, но без намёка на кокетство.

– Я не строю станций метро в самом волшебном городе на земле!

– Забавно, – ты рассмеялась, и сразу подошёл поезд, отмеченный красной полосой вдоль всего состава.

Очень просто: красная полоса – красная ветка.

Сели рядом и молчим.

– Что ты читаешь?

– Кастанеду.

– Неожиданно! Станный выбор для девушки. Практикуешь?

– Что за примитивный мачизм? А где мне найти дона Хуана, Тем более, дона Хенаро, когда вокруг одни крокодилы? Так, для расширения кругозора.

– Впервые слышу это от женщины. Я имею в виду «Кастанеду». Большинство уверено, что это слово означает «погремушки».

– Тебе не везло с женщинами.... Но месяц назад и я назвала бы что-нибудь другое.

– Вовремя мы встретились.... А что было бы ответом месяц назад?

Ты на секунду задумалась.

– По-моему, тогда был Гессе «Степной волк». Или Фаулз «Волхв».

– Снимаю шляпу, – я склонил голову.

Ты удивила меня. Удивляла и после. И сейчас удивляешь.

– А ты что читаешь?

– Довлатов. Мне, знаешь ли, ко времени.

– Мастер блестящих банальностей, кажется?

– Он не обижался на это. Здесь всё банально.

– Его приятель Бродский всё-таки сумел как-то...

– Не знаком.

– С ним сложно познакомиться! Но пишет – гениально:

*Ты поскачешь во мраке по бескрайним холодным холмам
вдоль берёзовых рощ, отбежавших во тьме, к треугольным
домам,*

*вдоль оврагов пустых, по замёрзшей траве, по песчаному дну,
освещённый луной, и её замечая одну*¹

¹ И. Бродский.